

Глава 2

Услышав шаги, Ли Шэн поднял голову.

В «Старой книге Тан» говорилось, что когда Тайцзуну было четыре года, один искусный физиогномист так отозвался о нём: «Облик дракона и феникса, лик, подобный солнцу небесному. К двадцати годам он непременно принесёт мир и спокойствие Поднебесной».

Когда Ли Шэн читал эти строки, он задавался вопросом, какой же внешностью нужно обладать, чтобы заслужить столь высокую оценку. Сегодня, увидев его воочию, он вдруг понял, что слова «облик дракона и феникса, лик, подобный солнцу небесному» были на удивление точны.

Ли Шиминю было двадцать лет. Высокий и статный юноша был одет в тёмно-синий халат с круглым воротом, его волосы венчала корона из белого нефрита. Талию охватывал чёрный кожаный пояс десе с золотыми пряжками, на котором висел длинный меч. Положив одну руку на эфес, а другой указывая в сторону конюшни, принц о чём-то говорил со своим спутником. Они медленно приближались, и даже издали в фигуре гостя чувствовались изящество и врождённое величие.

Когда они подошли ближе, Ли Шэн застыл от изумления, даже жевать перестал.

«Какой же он красивый!»

Брови, острые как мечи, звёздные глаза, высокий, прямой нос и лёгкая улыбка на губах — всё это создавало образ, в котором властность сочеталась с дружелюбием. Его походка была стремительной и уверенной, полы халата развевались от широких шагов.

Если бы над головой Ли Шэна могли появляться комментарии, это была бы бесконечная череда восторженных «А-а-а!».

«А-а-а, у него глаза феникса! Как красиво и величественно!»

«А-а-а, у Его Величества Эр Фэна есть "вдовый пик"! Даже с убранными волосами линия роста волос у висков такая плавная!»

«А-а-а, он идёт сюда! Что делать? Сделать вид, что я с аппетитом жую траву, чтобы показать своё отменное здоровье, или изобразить глубокий интеллект, чтобы он понял, что такой конь достоин только его?»

Вероятно, вид у жеребца был настолько глуповатый, что Ли Шиминь с любопытством подошёл ближе. Фан Ин, заметив это, слегка поклонился и пояснил собеседнику:

— Ваше Высочество, взгляните. Этот гнедой — лучший из недавно привезённых монгольских скакунов. Пару дней назад у него был плохой аппетит из-за акклиматизации, но мы уже дали ему лекарство, и сейчас он ест.

Юноша слегка кивнул и подошёл рассмотреть коня. Неужели ему показалось? Почему-то скакун выглядел немного глупо. Хм, сейчас вроде бы всё в порядке. Наверное, просто показалось.

Он погладил животное по гриве, окинул взглядом стан и рост в холке, затем повернул его голову к свету, чтобы заглянуть в глаза. Ли Шэн всё это время вёл себя смиренно и послушно, позволяя себя осматривать, и даже прижался головой к руке принца, глядя на него большими влажными глазами.

Притворяясь паинькой, жеребец в душе изнывал от нетерпения.

«Забери меня с собой, Ваше Величество! Я буду славно сражаться!»

— Мускулы сухие, взгляд ясный. Видно, что конь хороший. Рост в холке, должно быть, около пяти чи?

Фан Ин шагнул вперёд, подтверждая его слова. Глядя в большие глаза подопечного и вспоминая, как тот тёрся о его руку, он добавил:

— Ваше Высочество, этот конь очень понятлив. Когда я угощал его дыней, он, словно ребёнок, ел медленно, а когда закончил, смотрел на меня, выпрашивая ещё.

— У него есть имя?

— Этот конь прибыл из тюркских земель, и там его звали Шаболюэ, что означает «крепкий фиолетовый скакун».

— Крепкий, это хорошо. Я тоже желаю, чтобы этот конь был отважным и сильным. Раз уж он прибыл из Тюркского каганата в Великую Тан, то, следуя тюркскому смыслу и нашей культурной традиции, назовём его Салучзы.

— Слушаюсь, — ответил Фан Ин, сложив руки в приветственном жесте.

Они пошли дальше, продолжая беседу. Семья Фан служила роду Ли ещё со времён деда Ли Юаня, Ли Ху, и была их преданными вассалами из поколения в поколение. Цинь-ван был большим ценителем лошадей, и они с главой группы Фан были в хороших отношениях, поэтому их разговор был не слишком официальным.

Ли Шэн не сразу пришёл в себя. Кажется, его судьба решена. У него даже появилось новое имя — Салучзы. Оно очень подходило к его масти. Но почему это имя кажется таким знакомым?

Жуя траву, он напряг память. Салучзы... Шесть скакунов мавзолея Чжаолин!

О небеса! Он стал Салучзы, легендарным любимцем Ли Шиминя!

Постойте, это что же, значит, он погибнет на поле боя, а затем его изваяние установят в мавзолее Чжаолин?

Эта мысль так его напугала, что он даже перестал жевать. Он помнил, что Салучзы пал в битве против Ван Шичуна. Выходит, если история пойдёт своим чередом, ему осталось жить всего два-три года?

Но тут же он вспомнил слова Системы о том, что она сохранит ему жизнь, и немного успокоился. Что ж, раз так, надо усердно есть. Чем крепче он будет, тем выше шансы выжить на поле боя.

Тем временем Ли Шиминь осматривал другую лошадь. В этот момент Фан Ин бросил взгляд в сторону Ли Шэна. Видя, с каким усердием тот уплетает свой корм, он сжал в рукаве второй мешочек с лекарством.

«Похоже, вторая доза не понадобится. Это лекарство оказалось очень эффективным. Надо будет узнать, где его закупали, и заказать побольше».

Ли Шэн, усердно и с трудом пережёвывая траву, изучал информацию, выведенную на световом экране. Сейчас был июнь 618 года, первый год эры Удэ.

Двумя месяцами ранее, в апреле 618 года, Ли Юань взшёл на престол во дворце Тайцзи, провозгласив основание династии Тан. Первого июня он назначил своего второго сына, Ли Шиминя, главой Государственного совета, Пэй Цзи — правым вице-главой, а Лю Вэньцзина — наянem.

Седьмого июня император провозгласил своего старшего сына Ли Цзяньчэна наследным принцем, а Ли Шиминя пожаловал титулом Цинь-вана.

Почему же в числе первых награждённых не было Ли Цзяньчэна, а был второй сын? Потому что первая тройка — это ветераны, поднявшие восстание в Тайюане. Поэтому после восшествия на престол Ли Юань в первую очередь вознаграждал именно их.

А сегодня было девятое июня. Завтра Сюэ Цзюй, правитель государства Западная Цинь, что занимало юго-западные земли, заключит тайный союз с тюрками и Лян Шиду, которого те поддерживали. Воспользовавшись нестабильностью только что основанной династии Тан, он начнёт наступление, намереваясь прорваться на восток.

Двадцатилетний Ли Шиминь будет назначен главнокомандующим западного похода для отражения атаки. Это будет его первая крупная кампания в качестве верховного полководца.

Но удача ему не улыбнётся.

В первом столкновении с войсками Западной Цинь принц разработал весьма разумную стратегию: армия Сюэ Цзюя проделала долгий путь, запасы продовольствия у них ограничены, поэтому следует укрепить оборону, вырыть глубокие рвы и возвести высокие валы, чтобы измотать противника. Когда у них закончится провиант и падёт боевой дух, можно будет нанести внезапный удар и прорвать их строй.

Военный гений Цинь-вана был неоспорим, и план был безупречен. Но в этот момент он, как главнокомандующий, заболел. У него началась малярия, что в те времена было крайне опасно.

Вынужденный лежать в постели, полководец передал командование начальнику штаба Лю Вэньцзину и сыма Инь Кайшаню, настоятельно приказав им не вступать в бой, а затягивать войну, чтобы истощить боевой дух врага. Он намеревался присоединиться к ним, как только поправится.

Однако всё пошло не так, как надеялся Ли Шиминь. Двое военачальников самовольно вступили в бой и потерпели сокрушительное поражение на равнине Цяньшуйюань. Танская армия потеряла от пятидесяти до шестидесяти процентов личного состава. Цинь-ван был вынужден, преодолевая болезнь, отвести войска. Первая война между Тан и Западной Цинь закончилась провалом.

Ли Шэн, как наследник семейного бизнеса, во время университетской практики работал ассистентом у своего брата и даже тайно состоял в чате сотрудников, где узнал немало интересного. Глядя на эту ситуацию с точки зрения современного человека, он понимал, что произошедшее не так уж и удивительно.

Во-первых, хотя Ли Шиминь и одержал к тому моменту несколько побед, династия Тан только что была основана, и он ещё не стал тем прославленным героем, что усмирил четыре стороны света. Его авторитет среди сановников был ограничен. Над ним стоял его отец, Ли Юань, основатель империи, а также его старший брат, наследный принц Ли Цзяньчэн. В глазах старых военачальников юноша был всего лишь одним из сыновей императора, таким же подданным, как и они.

Командующий заболел, и власть перешла к Лю Вэньцзину и Инь Кайшаню. Его наставления не были императорским указом, а обстановка на поле боя меняется стремительно, поэтому они решили действовать по обстоятельствам.

Во-вторых, Лю Вэньцзин и Инь Кайшань сами были ветеранами восстания, «первоначальными акционерными» империи Тан. Они прошли с армией весь путь от начала мятежа до завоевания региона Гуаньчжун и имели реальный боевой опыт. Такое важное решение не было принято ими спонтанно. Главный лидер тяжело болен, причём малярией, которая в те времена часто приводила к смерти. Если бы эта новость распространилась, боевой дух армии неминуемо бы упал. В такой ситуации они посчитали, что лучше атаковать, чем пассивно обороняться.

Согласно историческим записям, Лю Вэньцзин и Инь Кайшань выстроили свои войска у города Гаочжай, в деревне Цяньшуй к северо-востоку от современного уезда Чаньфу провинции Шэньси. Однако Сюэ Цзюй уже подготовился и атаковал их с двух сторон. Танская армия, оказавшись в клещах, быстро потеряла строй и была разгромлена.

Ли Шэн жевал траву и размышлял о том, как переменчива судьба на поле боя. Неблагоприятное время, неудачное место, разногласия между людьми — всё это может привести к катастрофе.

Глядя на принца, выбирающего лошадей, Ли Шэн невольно задумался:

«Каково ему было тогда, когда его первая крупная кампания закончилась таким провалом? Не сомневался ли он в себе? И как на это отреагировал танский двор?»

К счастью, в августе того же года Ли Юань вновь назначил Ли Шиминя верховным главнокомандующим для похода на сына Сюэ Цзюя, Сюэ Жэньгао. Вторая битва на равнине Цяньшуйюань завершилась полной и сокрушительной победой танской армии. Государство Западная Цинь прекратило своё существование.

«А я отправлюсь с ним на эту войну? Будет ли он ехать на Салучзы? Наверное, нет. Мы ведь ещё не притёрлись друг к другу. В таком опасном деле, как война, надёжнее полагаться на старого, проверенного товарища. Но кто знает? Может, он решит, что я выгляжу так внушительно и величественно, что приношу удачу, и непременно захочет отправиться в бой на этом потрясающем фиолетовом скакуне? А-а-а, я ведь ещё никого не возил! А если я случайно сброшу его, меня казнят?»

Пока конь предавался этим сумбурным мыслям, он не заметил, как Ли Шиминь снова подошёл и теперь наблюдал за его трапезой.

С точки зрения юноши, этот большой конь был великолепен: шерсть лоснилась, грива была длинной и гладкой, а окрас — невероятно красивым, особенно на солнце, где его спина и плечи казались покрытыми тёмно-фиолетовым шёлком. В движении он, должно быть, выглядел ещё прекраснее.

К тому же, его рост и стать выдавали в нём настоящего боевого скакуна. Ел он неторопливо, а при приближении людей оставался спокоен и невозмутим, даже глазом не моргнул. Редкий зверь!

На самом деле, Ли Шэн просто задумался и бессознательно пережёвывал траву.

Ли Шиминь уже собирался подойти поближе, чтобы ещё раз осмотреть своего нового любимца, как к нему подбежал личный телохранитель. Торопливые шаги привлекли всеобщее внимание. Воин с тревогой на лице наклонился к уху господина и что-то прошептал.

Ли Шэн увидел, как лицо Ли Шиминя мгновенно стало серьёзным. Отдав вежливый знак Фан Ину, он поспешно удалился. Провожая его взглядом, Ли Шэн думал лишь об одной фразе, которую успел услышать:

— Сюэ Цзюй начал действовать. Его Величество срочно вызывает Цинь-вана.

<http://bllate.org/book/16003/1441413>